

Когда приготовления закончились, Ци Гу отдельно напомнил Нью Ань: пусть её сын и невестка не возвращаются домой, пока не получают от неё сообщение.

Нью Ань, разумеется, так и сделала. Её сын и невестка были нормальными людьми и не собирались специально возвращаться домой на верную смерть.

Потом она посмотрела на Ци Гу и спросила:

— В моих глазах вы всё ещё выглядите как обычно. А что увидит Сяобао? Вы точно не выдадите себя перед этой тварью?

— Я немного изменил заклинание. Теперь отвод глаз действует и на людей. Вы всё ещё видите нас настоящими только потому, что уже знаете, кто мы на самом деле.

Втроём они направились к дому Нью Ань. Поднявшись в подъезд, Ци Гу через ткань длинного рукава взял Линь Ханьчжи за запястье, успокаивающе похлопал и сказал:

— Не бойся. Потом просто води себя так, как учительница Нью описывала отношения её сына и невестки.

Линь Ханьчжи опустил глаза на свой рукав, уголки губ чуть приподнялись.

— Когда ты рядом, уже не так страшно.

Нью Ань смотрела, как два рослых парня то похлопывают, то трогают друг друга, и мгновенно вспомнила Ци Гу в начальной школе. Тогда этот ребёнок совсем не был настолько живым: тихий, спокойный, с отстранённостью, совершенно не соответствующей возрасту, поэтому друзей у него никогда не было. Теперь, видя, что он больше не одинок, Нью Ань искренне радовалась за него.

Просто... она не очень понимала, почему современные друзья настолько любят хватать друг друга за плечи и вообще постоянно трогаться.

Молодёжь нынче и правда раскованная.

Хотя сейчас эта раскованность была очень кстати. Сын и невестка Нью Ань любили друг друга невероятно сильно. На работе ещё держались, а дома почти всё время липли друг к другу, словно сиамские близнецы.

— Вот так и держитесь, — сказала Нью Ань. — Сейчас вы выглядите правильно.

Ци Гу на мгновение замер и только потом понял: учительница Ню решила, что они уже вошли в роль любящих супругов. Но на самом деле... всё, что происходило только что, было их обычным поведением.

Хм... дружба и любовь сами по себе похожи. И то и другое — чувства. Ничего странного, что их перепутали.

Ню Ань открыла дверь ключом и вошла с пакетами продуктов, ведя гостей за собой.

В гостиной по-прежнему были плотно задвинуты шторы. В помещении стоял такой мрак, что невозможно было разглядеть собственные пальцы. Муж-призрак сидел прямо в темноте и, услышав движение, повернул голову:

— Все вернулись.

Ци Гу потакать ему не собирался и тут же включил свет.

Яркое освещение залило комнату. Только теперь трое увидели: муж-призрак держал Сяобао на руках. Случайно или намеренно, но его острые зубы находились совсем рядом с горлом ребёнка, словно в следующую секунду он мог впиться в него. Сам Сяобао ничего не замечал.

У Ци Гу дёрнулся висок. Он тут же совершенно естественно, в соответствии с ролью, выхватил ребёнка из рук сущности.

— Малыш, папа тебя подержит~

Сын учительницы Ню непременно делал это после возвращения домой.

Линь Ханьчжи тоже без подсказки подошёл ближе. Они вдвоём унесли ребёнка к балкону, проверяя, как он сегодня себя чувствует, и весело переговариваясь — точь-в-точь семья из трёх человек.

В глазах мужа-призрака всё выглядело так же, как обычно. Поэтому он только жадно посмотрел на троих и снова принял привычный вид.

Ню Ань отнесла продукты на кухню. Сущность даже последовала за ней, как когда-то при жизни делал её муж, помогая жене готовить.

Днём он ещё подметал, вытирал столы. Даже привычки расставлять вымытые вещи и складывать одежду были совершенно такими же, как раньше.

Именно потому, что за прошедшие годы Ню Ань ни разу их не забыла, она могла узнать каждую мелочь.

Но эта сущность была призраком — и при этом знала все привычки покойного до мельчайших деталей. От одной мысли становилось не по себе.

Если бы в ту ночь Ню Ань не проснулась из-за желания сходить в туалет, с таким поведением мужа-призрака она, возможно, до сих пор ничего бы не поняла.

Ци Гу и Линь Ханьчжи с виду нежно возились с ребёнком на балконе, а на деле Ци Гу никогда раньше детей не держал и сейчас обращался с мальчиком настолько неуклюже, словно схватил поросёнка. Сяобао всё время извивался у него на руках. Ци Гу ничего не оставалось, кроме как спихнуть ребёнка Линь Ханьчжи.

А Линь Ханьчжи детей держал. Когда-то он часто носил на руках маленького двоюродного племянника. На мгновение растерявшись, он быстро устроил Сяобао правильно и мягко похлопал по спине.

Сяобао сразу стало удобнее.

— Мам, когда я уже выздоровею? Я хочу гулять.

Линь Ханьчжи мягко улыбнулся, с удивительно убедительной материнской интонацией:

— Как выздоровеешь, пора будет в школу. Гулять всё равно придётся ждать до выходных.

Ци Гу:

— ...

Услышав настолько жестокие слова, Сяобао едва не заревел «уа-а-а». Сегодня мама почему-то казалась немного коварнее обычного.

Но ребёнок ничего особенно странного не почувствовал и только повторял:

— Может, я лучше ещё несколько дней поболею...

Очень уж не хотелось в школу.

На кухне.

Ню Ань по указанию Ци Гу вылила в таз коровью кровь, смешанную с перемолотым говяжьим фаршем. Специально усиленный запах крови тут же поднялся волной и заполнил кухню.

— Старик, нарежь сельдерей, смешаем с говядиной и сделаем пирожки с сельдереем и мясом.

Муж-призрак уставился на таз ярко-красной кровавой массы. Его почти полностью чёрные глаза, в которых оставалось лишь немного белого, постепенно налились кровью. Он был похож на волка, который долго голодал и внезапно увидел перед собой целую миску мяса: желание пожрать скрыть было невозможно.

Сказав это, Ню Ань развернулась и вышла из кухни к балкону.

— Нарву зелёного лука.

Услышав её, муж-призрак не оборачиваясь ответил и продолжил сверлить взглядом таз сырого мяса с кровью.

Едва Ню Ань ушла, он не выдержал: схватил таз, отошёл в слепую зону, которую не было видно снаружи кухни, сунул руку в фарш, загреб огромную горсть и жадно запихнул в рот. На лице появилось выражение наслаждения, словно он вкусил лучшее блюдо в мире.

Вскоре Ню Ань вернулась с зелёным луком и увидела, что муж-призрак как ни в чём не бывало моет сельдерей. Даже привычка обрывать только крупные листья и оставлять мелкие была точь-в-точь прежней.

Услышав возвращение Ню Ань, он даже сказал:

— Этот зелёный лук уже не тот, что раньше. Мелкий какой-то.

После этого снова опустил голову и продолжил перебирать сельдерей.

После самой обычной семейной фразы, под мертвенно-белым светом лампы, когда Ню Ань отвернулась резать зелёный лук, сущность подняла голову и широко оскалилась на её шею. Между зубами висели рваные волокна красного сырого мяса.

Казалось, она в любую секунду могла вцепиться зубами в Ню Ань.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод